

МАЛЬДЯК
ЛАГПУНКТ
СССР

- Р-7
1. Ступень
  2. Ступень
  3. Отделение
  4. Ступеник

Схема
посадочной
ЛС-1

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР

ИСТОРИЯ СЕРГЕЯ КОРОЛЁВА

Сергей Гирченко

Главный конструктор

«Автор»

2026

Гирченко С.

Главный конструктор / С. Гирченко — «Автор», 2026

История Сергея Королёва — как полёт ракеты: от крымских склонов до звёзд, через предательства и лёд Колымы. Арест. Допросы. Приговор к расстрелу. Выживание в аду. Работа в шарашке. И — упорство: снова, снова, снова вверх. Он был жёстким. Неудобным. Одержимым. Не умел отступать. Не искал оправданий. Требовал невозможного. От планеров Коктебеля до «Спутника» и полёт Гагарина — это повесть о цене прорыва. О том, что путь к звёздам начинается не на Байконуре, а там, где человек решает: «Я выстою».

© Гирченко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Коктебель	5
Глава 2. ГИРД	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Главный конструктор

Глава 1. Коктебель

Крым, 1929 год. Гора Узун-Сырт.

В Коктебеле стоял густой зной. Земля пахла сухой полынью и солью. От планеров веяло нагретой фанерой. Со склона тянул Южак.

К старту готовили «Коктебель». Участники слёта планеристов рассматривали огромный размах крыльев с трапециевидным профилем. Модель была тяжелее прочих, и эта тяжесть раздражала знатоков. Скептики наперебой прочили падение без мотора.

На стартовой площадке трещали доски. Перкаль на крыле ходила ходуном, хлопала. Ветер проверял конструкцию на разрыв.

Сергей Королёв рассматривал узлы, проверял натяжку троса, мерял взглядом устойчивость стоек. В его взгляде было что-то давящее — так смотрят на должника.

Рядом суетился механик. Торопился, вязал буксировочный узел, злился на ветер. Канат разлохматился, зацепившись за грубую петлю.

Королёв присел, жёсткими пальцами в один поворот кисти распустил узел.

Механик обиженно насупился:

— Король, ты чего? Держалось же. На совесть завязал.

— Держалось, — Королёв не поднял головы, пальцы перекладывали пряди каната. — Пока на земле. А в небе сорвёт, про совесть не спросит.

Дёрнул узел на себя. Трос глухо звякнул, натянулся как струна. Королёв встал, вытер ладони о штаны.

— Ему летать. Обижаться вечером будешь. Если кружкой вина обнесут.

Механик открыл было рот, но Королёв уже шёл вдоль крыла, стучал ногтем по обшивке.

На вершине холма собирались люди. Ждали.

Арцеулов появился бесшумно. Высокий, сухой, застёгнутый на все пуговицы светлой гимнастёрки. Лицо спокойное, как у человека, пришедшего на службу.

Обошёл планер, проверил крыло. Не погладил — жёстко надавил ладонью на нервюру.

— Константин, ветер? — крикнули из толпы.

Арцеулов не обернулся. Посмотрел туда, где за Баракольской впадиной дрожало море.

— Ветер как ветер, — негромко сказал он. Приветственно тронул за плечо конструктора. Легко опустился в узкую кабину. — Полетели.

Опустил голову к приборам. Махнул рукой на старт.

Помощники навалились всем телом, потянули резиновый амортизатор. Шнур натягивался, гудел, как готовая лопнуть жила.

Планер вздрогнул. Пошёл по камням, по кочкам — тяжело, переваливаясь с боку на бок. Толпа замерла: сейчас ткнётся носом.

Но на краю обрыва крыло наткнулось на плотный воздух. Аппарат вдруг потерял вес, поднялся — плавно, ровно, без рывка.

Разговоры стихли. Люди задирали головы, пряча глаза от солнца.

Королёв следил за полётом. Отмечал про себя: скорость на вираже, реакция на порыв, хвостовая балка, жёсткость узлов.

— Красиво идёт, — сказал кто-то рядом.

Королёв не повернул головы. Чуть поморщился. Водил пальцем по невидимой траектории.

— Красиво. Только держится не красотой.

— А чем?

— Не чем, а кем — Арцеуловым.

— Ну да, — согласился хриплый голос из толпы. — Семейное. Дед Айвазовский море писал, а внук — в небе виражи рисует. Художник.

Планер сделал широкий разворот над долиной, поймал термик, набрал высоту. Потом второй.

Посадка вышла чистой: колёса мягко коснулись земли.

Арцеулов выбрался из кабины, стряхнул пыль с колен.

— Ну как? — крикнули ему.

— Летает.

— А подробнее?

— Хорошо летает, — этого хватило.

К вечеру Южак выдохся. Море лежало тёмное, гладкое.

На берегу зажгли костёр. Гитара переходила из рук в руки. Спорили о профиле крыла, о центровке, о том, чей аппарат манёвренней.

Вспомнили Василия Степанчонка, который третьего дня на «Красной Звезде» Королёва закрутил три мёртвые петли подряд — первый раз в мире на безмоторном аппарате.

— А где Степчок? Его не видно сегодня было.

— Василий Андреевич в Ускут укатил. Там Галина с мальчишками и Ирочкой у Евгеньча отдыхают.

— С семьёй, значит. А мы тут...

— У нас своё небо. На земле не задержимся.

Королёв сидел чуть поодаль, привалившись спиной к валуну. На коленях — блокнот. Делал пометки карандашом.

— Король, иди к нам! — протянули ему кружку с чаем. — Хоть у костра не работай.

Королёв поднял глаза. Взгляд отсутствующий.

— Записываю снос профиля, — ответил он машинально. — Потом чай.

— Остынет.

— Тогда лучше вина. Хоть на доньшке.

Он слегка улыбнулся краем рта и снова уткнулся в расчёты.

Над морем темнело быстро, по-южному. В посёлке зажигались огни. Разговоры стихали — треск сучьев, шорох гальки.

Завтра снова будут полёты.

Других дел здесь почти не было.

Глава 2. ГИРД

Москва, сентябрь 1931 года. Подвал на Садово-Спасской.

В подвале воняло мокрой известью, чёрной окалиной и прогорклым керосином. Из углов тянуло сыростью — так пахнет земля под городом, которая никогда не видела солнца. Но сквозь этот чад пробивался другой запах — бензол и надежда. Самое едкое сочетание в тридцать первом году.

На верстаке, расперев доски весом, лежал двигатель. Нержавейка, бронза, пайка. Тяжёлый и чистый. Вокруг — бумага. Чертежи, карандашные пометки въедались в ватман, исчерканный, перечёркнутый, заново пересчитанный до дыр.

Королёв стоял, упёршись кулаками в край стола. Гимнастёрка на лопатках взмокла. Сточенный карандаш вдавливался в сгиб пальцев, и руку сводило судорогой.

Рядом с присвистом дышал инженер Фридрих Цандер. Маленький, сутулый, который уже тридцать лет живёт на Марсе, а в Москве лишь прописан в Семёновской слободе.

— Фридрих Артурович, бросьте. Не пойдёт, — Королёв толкнул лист ребром ладони. Бумага зашуршала по окалине. — Железо. Не оторвётся.

— Оторвётся, — повышая голос, чахоточно хрипел Цандер. — Я считал. Формулы не врут.

— Формулы — нет. Металл врёт. Тяжело, говорю вам.

Королёв шагнул ближе. От Цандера пахло сухарями и анисом.

— Вы Рай рассчитали, Фридрих Артурович. А мы в подвале. В реальности у нас литьё с кавернами, трение и кривой шаг резьбы. Нужно легче. Срезать облой с фланцев. Всё срезать к чертям.

— Легче нельзя! Это сталь! Лучшая, из Осоавиахима!

Королёв швырнул карандаш.

Цандер замолчал. Взгляд стал тусклым. Его мечта вдруг наткнулась на этого упрямого мальчишку.

— Сергей Павлович, — по слогам выдавил Цандер. — Мне почти сорок пять. Тридцать лет я работаю над проектом этого двигателя. Двадцать пять из них, я строю его, собираю. Двадцать пять! — Кашель не давал ему долго говорить.

— И ни одна ракета не улетела, — Королёв сказал это без радости. Будто гвоздь вколачивал. — А нам нужна летающая. Сегодня. Максимум — в августе. Иначе нас закроют, а чертежи сдадут в архив под рогожку.

Цандер открыл рот, сухие губы поползли в стороны, обнажая жёлтые зубы. Захотелось кричать, но он только махнул рукой — костлявой, с грязными ногтями — и снова уткнулся в медь. Пальцы заходили ходуном, паяльник зашипел, пуская сизый ядовитый дым.

ГИРД — Группа изучения реактивного движения — держалась на общем безумии, вере и одержимости. Под потолком на грязном витом проводе покачивалась закопчённая лампа. Двигатели паяли из лома, форсунки выменивали за спирт, латунь выпрашивали у жестянщиков.

Королёв метался по заводам, цехам, складам, заглядывал в каждый угол, где могла найтись нужная деталь. В наркоматах и военных учреждениях он уже не просил — требовал:

— Алюминий нужен! Лист! Две тонны листового алюминия! Не для ложек, товарищ. Для стратосферы. Не знаете что это такое? Это по дороге к звёздам.

— Вы фантазёр, Королёв, — чиновник с усталыми глазами лениво листал циркуляр. — Весь дюралюминий расписан на Туполева. На крылья. Ракетные работы в промфинплан не включены. Идите работайте по основной номенклатуре.

В подвале тикали старые ходики с кукушкой. Цандер бормотал, обжигая пальцы о проводку. Королёв сидел над профилем крыла. Лицо серое, скулы сводит.

Почти под потолком за грязным стеклом окна — улица. Но все решалось не в паркетных кабинетах, не на уличных тротуарах, не здесь в подвале. Всё решалось в поле, на обгорелой траве.

Декабрь 1932 года. Москва. Подвал на Садово-Спасской.

Королёв спал по два-три часа. Под глазами — тёмные круги. Слабость даже в руках. Он начал новый расчёт. Не ГИРД-09 — уже следующую.

Царила вежливая тишина. Цандер, не поднимая головы, паял свой опытный образец — изделие ОР-2.

Вошёл Тихонравов, скинул шинель:

— Сергей, кажется, к тебе. С Осоавиахима.

Королёв оторвался от чертежа. На пороге — человек в кожаной куртке. Протянул мандат:

— Козырев, Алексей Викторович, инженер-механик. К вам — экспертиза жидкостной ракеты.

— С чего вдруг такой интерес к нам?

— Григорьев Анатолий Геннадьевич, заместитель председателя Осоавиахима озабоченность проявляет. Павел Прокофьевич Кобелев не заинтересовался. От вас давно нет отчётов. Почти год никаких результатов испытаний.

— А вы, стало быть, в ракетах понимаете? — в голосе раздражение.

Козырев открыто улыбнулся:

— Строил авиамоторы. Принцип тот же.

— Аэродинамика? Устойчивость? Управление вектором тяги?

Козырев с той же улыбкой:

— Сергей Павлович, я не претендую на звание конструктора. Я проверю вашу документацию на инженерную грамотность.

Королёв с ревностью, но без злобы развернул чертежи.

Козырев достал из портфеля толстую тетрадь, карандаш, логарифмическую линейку, надел очки и склонился над бумагами.

Он перелистывал, шевелил губами, сверял размеры, записывал, считал на линейке, что-то стирал и снова записывал.

От чая отказался. Через три часа отстранился. Вытер лоб платком.

— Ошибка, коллеги. Обечайка бака.

— Где?

— Да вот... Толщина. Без учёта момента инерции. На развороте — развалится как пить дать.

Королёв взял карандаш.
Пересчитал.
Всегда бледный, сейчас вдруг раскраснелся, на лбу испарина.
Пересчитал ещё раз. Бросил карандаш.
— Прав.

Цандер поднял голову. Впервые за две недели.
Смотрел с тревогой.
Королёв сжатыми кулаками постукивал по столу.
Вскочил.
Протянул руку, пожал.
— Спасибо, Алексей Викторович. Бак пересчитаем.
Сел.
Козырев ушёл.

Королёв подошёл к умывальнику. Умылся. Глядя в зеркало, сам себе:
— Олух! Шесть месяцев коту под хвост!
Повернулся к Цандеру. Сел на корточки.
— Фридрих Артурович. Я был дураком. Там — насосы. И сейчас вы знали. Видел — на
листочке писали.

Цандер поднял глаза. Усталые, больные.
— Вы бы не слышали. Когда вы в ярости — вы глухи.
Королёв взял его руку. Костлявую, грязную, в ожогах. Сжал.
— Теперь услышу.
Цандер вытащил из кармана смятый листок.
— Я пересчитал. Для дублирования. Думал — отдам когда остынете.
Королёв развернул бумагу. Цифры те же.
— Почему сразу не сказали?
— Вы не спросили. Вы сказали: «Бросьте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.